
Постимперские регионы: ассоциированная зависимость в развитии Восточной Европы

О.Д. КУЦЕНКО*, А.П. ГОРБАЧИК**

***Куценко Ольга Дмитриевна** – заведующая кафедрой социальных структур и социальных отношений факультета социологии Киевского национального университета им. Т. Шевченко. Адрес: Украина, 01601, г. Киев, ул. Владимирская, 64/13. E-mail: olga.kutsenko.ua28@gmail.com.

****Горбачик Андрей Петрович** – декан факультета социологии, заведующий кафедрой методологии и методов социологических исследований Киевского национального университета им. Т. Шевченко. Адрес: Украина, 01601, г. Киев, ул. Владимирская, 64/13. E-mail: dean@soc.univ.kiev.ua.

«Хотя “век империй” в основном завершился после Второй мировой войны, когда большинство колоний обрели независимость, империализм продолжает оказывать влияние, преимущественно культурное, в настоящем»
Эдвард В. Саид¹

*Многие исследователи предпринимали попытки оживить «старые» концепты «империи», «имперской зависимости», которые с распадом современных империй, казалось, должны были остаться в прошлом. Особенный случай в применении этих концептов представляют постсоциалистические страны Восточной Европы. В данной статье презентуются результаты эмпирической проверки тезиса о культурном воспроизводстве имперской зависимости в рамках «постимперских пространств» в Восточной Европе, что может определять существенные различия постсоциалистических стран в современном развитии. Изучение проведено на эмпирических данных EVS-2008 по 22 странам, расположенных на европейских территориях бывших Османской, Российской, Австрийской и Германской империй. По результатам кластерного анализа в пространствах культурных параметров и макропараметров развития стран обобщаются выводы о значимости «имперской истории» в современном развитии постсоциалистических стран, о наличии «ценностно-поведенческой матрицы» как *la longue duree* структуры, которая определяет возможности и ограничения ассоциированного*

¹ [Saïd 1994].

зависимого развития стран, их ценностные ориентации на социальный порядок, способы его легитимации, идентичность и социальную активность.

Ключевые слова: империя, ассоциированное развитие, постимперская зависимость, постимперские регионы, ценностно-поведенческая матрица, постимперское культурное наследие, сравнительный анализ, кластерный анализ

Известно немало современных попыток «оживить» старые концепты «империя», «имперская зависимость», «имперский синдром» и т.п., которые, казалось бы, с распадом империй, ростом демократии и глобальной зависимости должны были остаться в прошлом. В новом столетии, когда только в Японии сохраняется позиция императора, концепт «империи» применяется чаще как метафора, которой обозначают очень разные явления: от современных США с их экспансионистской политикой [*Galtung* 2009] до Европейского союза [*Zielonka* 2006] или новых глобальных акторов с их претензией на установление универсального мирового порядка [*Хардт, Негру* 2004].

Особым случаем применения концептов империи, постимперской и колониальной зависимости являются страны Восточной Европы, которые более 20 лет пытаются с разной степенью успешности преодолеть наследие государственного социализма и выйти на путь устойчивого развития на основах рыночной экономики. Начав постсоциалистические изменения с микроскопических различий между собой, эти общества в последующем стали демонстрировать более существенные расхождения и неопределенности в результатах социетальных трансформаций. Для объяснения таких расхождений исследователи обратили внимание на концепты «зависимости», «колониального наследия», взятые из более общих теорий «современной империи» и «зависимого развития», включая теории *path-dependency*, «зависимо-ассоциированного развития», «мир-системы» и пр. Более того, концепт «зависимости», похоже, становится ключевым в анализе современных изменений (на это, в частности, обращает внимание основоположник количественной версии мир-системного подхода Арно Тауш [*Tausch* 2003]), хотя применительно к развитию постсоциалистических стран данный концепт и соответствующие теории все еще не получили достаточного теоретического и эмпирического обоснования. Структурные, неомарксистские и альтернативные теории зависимости в традициях от Р. Пребиша, Й. Галтунга, С. Гудмана, И. Валлерстайна, П. Престона, Ф. Кардозу и Э. Фалетто, С. Амина, А. Тауша обосновывают предположения о связи современного состояния развития «периферий» со способами их интеграции в «мировую систему» или с экономическим империализмом более развитых стран [*Prebisch* 1978; *Amin* 1992; *Frank* 1998; *Gudeman* 1986; *Gudeman* 2001; *Tausch* 2003; *Tausch, Heshmati* 2011; *Cardoso, Faletti* 1979; *Cardoso* 2001; *Валлерстайн* 2001]. Теории подчеркивают, что отношения зависимости, прежде всего финансово-технологической, блокируют экономический рост стран в длительной перспективе, воспроизводят так называемый «периферийный капитализм» (Р. Пребиш), формируют социально несбалансированное развитие, по-разному происходящее в странах. Ф. Кардозу, связывающий свою концепцию «зависимо-ассоциированного развития» с теорией империализма, обращает внимание на то, что в современности не только продолжают существовать старые формы зависимости периферийных обществ от центральных, но возникают и новые зависимости [*Cardoso* 2001].

В современных исследованиях подчеркивается, что зависимость в развитии наций (прежде всего – в финансово-технологическом измерении) не оставляет им шанса на существенное улучшение качества жизни и преодоление глобального неравенства между странами [Garrett 2007; Cardoso 2001]. Анализ специальной литературы показывает, что если финансово-технологические и инновационные параметры зависимости в развитии получили широкое обоснование в теоретических и эмпирических исследованиях, то культурно-исторические измерения остаются менее определенными и изученными. Так, Д. Норт также объясняет расхождения в национальных траекториях и макроэкономическом развитии, устойчивость неэффективных траекторий зависимым характером институционального развития, подчеркивая при этом значение начальных условий и исторических случайных событий [Hoptm 2011]. Зависимость очерчена ожиданиями [Hausner 1997; Stark, Bruszt 1998; Stark, Bruszt 2001] или «ожидаемыми институтами» [Federowicz 2000], на что обратили внимание многие современные исследователи.

Тезис Ф. Броделя о значении *la logue duree* структур или о том, что исторический опыт страны влияет на специфические проявления культуры и структуры общества, на способы и стили общественных практик [Бродель 2007], хотя и не вызывает особого сомнения, однако при этом данное утверждение не получило достаточного теоретического развития и эмпирически обоснованного применения в объяснении постсоциалистических обществ. Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. стало модным утверждать, что «история имеет значение» в постсоциалистическом развитии [David 2001, p. 15; Berend 1996; Miller, White, Heywood 1998; Chavance, Magnin 2000; Magnin 2002; Nielsen, Jessop 2005; Гавров 2010], однако остаются непонятными масштабы влияния «истории» на успехи в развитии обществ, а «история», как правило, ограничивается периодом после Второй мировой войны либо недавней историей «начальных условий», предшествовавших постсоциалистическим трансформациям конкретных обществ.

Более того, значимость влияния «истории» на современное развитие к началу XXI в. становится сомнительной. Когда процессы глобализации и информатизации все больше вторгаются в общества, а беспрецедентная в истории социальная мобильность «перемешивает» нации и культуры как никогда ранее, то естественно возникает вопрос: продолжают ли исторически сформированные зависимости, *la logue duree* структуры влиять на пути современного развития? Или глобализация и мобильность стерли в современном развитии следы истории, старые исторические зависимости между странами?

Обратим внимание на то, что все постсоциалистические страны Восточной Европы до конца XIX – начала XX вв. входили в состав империй, их территории были разделены между Османской (1281–1923), Российской (1721–1917), Австрийской (1804–1867) и Германской империями (1871–1920). Первые две империи имели отношение (хотя и разное) к более древней Византийской империи (330–1453)²; Австрийская и Германская империи стали прямыми наследницами Священной Римской империи (843–1806). История сложно переплеталась и проявлялась в различных временных ритмах, при этом некоторые макроструктуры, большие ассоциации стран оказались длительно представленными в истории и получили реальные шансы укорениться в жизнедеятельности обществ. *Имеют ли прошлые имперские зависимости недавнего периода истории (ограничимся рубежом XIX–XX вв.) значение*

² Преемственность византийской культуры Россией была ярко аргументирована, в частности, В.С. Соловьевым [Соловьев 2001].

в современном развитии стран восточной Европы? Мы предлагаем усилить концепцию «зависимого ассоциированного развития» культурным измерением и приложить ее к восточно-европейским обществам, ассоциируемым в прошлом с Австрийской, Германской, Российской и Османской империями. Обладает ли объяснительной силой тезис о постимперском зависимом ассоциированном развитии стран?

Если значение *la logue duree* структур имперской зависимости сохраняется, то эмпирически мы получим кластеры стран, ассоциированные с пространством бывших империй. Страны в таких кластерах между собой будут более близкими в культурных и институциональных параметрах развития по сравнению с кластерами стран, ассоциированными с другими империями.

Имперская зависимость и универсализация порядка

Непростым заданием является определение содержания понятия «империя». Этимология понятия имеет отношение к политическому смыслу сильной нации/государства, устанавливающих централизованный контроль над подчиненными территориями, универсальный порядок, стремящийся расширять свои границы. Империя – это форма организации отношений доминирования, социального порядка на территории, которая существует в виде сильной, контролируемой из «центра» нации/государства. Такой порядок может устанавливаться различными способами:

- военной экспансией, захватом территории и принудительным контролем над ней с применением вооруженной силы и физического насилия;
- благодаря установлению монархического правления либо централизованного бюрократического порядка и подчинения территорий в рамках административно-бюрократической иерархии;
- способом экономической и культурной экспансии «центра», непрямого «захвата» территорий благодаря формированию экономической зависимости, навязыванию культурного образца социального порядка и его легитимации институтами власти и массовым сознанием.

Соответственно, следует различать «территориальные» и «гегемонные» империи (Ш. Эйзенштадт) по способу их формирования и механизмам поддержания порядка; также империи существенно различаются в зависимости от уровня модернизации (либеральные, секуляризованные, индустриализованные империи и т.п.).

В империях новой истории получили развитие как более авторитарные, так и более либеральные организации социального порядка и обеспечения его универсальности на подвластных территориях. Так, к примеру, если габсбургскую Австрийскую империю отличал либерально-авторитарный политический режим, который поддерживал культурно-политическое разнообразие территорий и их ограниченный суверенитет (при этом порождал сильные локальные межэтнические и социальные конфликты), а для Османской империи был характерен военно-бюрократический режим, основанный на религиозном праве (раздельном для мусульман-немусульман и в отношении торговли) и значительном локальном суверенитете провинций, то для Российской империи исторически была характерна высокая степень авторитарного бюрократизма с сильной централизацией [Феокистов 2000]. Как отмечает современный британский историк Норман Дэвис, большинство европейских империй «стремились укрепить национальное единство

своих подданных церемониями, символическим искусством, интерпретацией истории, а более всего – образованием и пестованием общей культуры. ... Над большинством противоречий 19 века ... тяготело убеждение, что народы Европы можно разделить на «исторические» и «неисторические» нации» [Дейвис 2008, с. 839]. Согласно выводам Н. Дэйвиса, «европейский империализм конца 19 века отличался от ранних форм империализма несколькими важными аспектами. Он был частью всемирной борьбы за контроль над иными, еще не ограбленными странами, пригодными для эксплуатации... Политико-экономический империализм был поддержан сознательной культурной миссией “европеизации” (цивилизации, русификации и т.п.)» [Дейвис 2008, с. 876–877]. В результате европейский империализм «разделил государства на *imperiumgültig*, “достойные империи” и на те, которые “не достойны”... империализм также усилил европейские религиозные и расовые предрассудки» [Дейвис 2008, с. 879]. Таким образом, разные империи продуцировали различные ценностно-поведенческие ориентации индивидов относительно социального порядка, его механизмов поддержания и формирования лояльности к институтам и способам правления.

В истории обществ, как правило, механизмы территориальной и культурно-гегемонной экспансии пересекались, однако конкретные империи отличались доминирующими «акцентами» в данных механизмах, что влияло на формирование специфических «*ценностно-поведенческих матриц*»³ обеспечения порядка в соответствующих обществах. Такие «матрицы» должны включать ценности и верования относительно роли государства и институтов власти, идентичности и лояльности, «лучших» политических способов организации общественной жизни.

Именно механизмам культурной гегемонии (термин А. Грамши) принадлежит особая роль в обеспечении устойчивости социального порядка и его исторической протяженности (во времени и пространстве). Такие механизмы навязываются и обеспечиваются имперскими и компрадорскими национальными элитами, укореняются в культуре и сознании имперско-колониальных/периферийных обществ, приводят к универсализации социального порядка и способов его оценивания на конкретной территории. И как результат со временем способна формироваться *ценностно-поведенческая матрица*, которая воспроизводится в коллективном сознании обществ, ассоциированных с конкретной империей. Такие «матрицы» являются специфическими для конкретной (пост-)империи в сравнении с другими, и там детерминируют основные ценностные координаты социальных действий представителей данных обществ. Можно допустить, что такая «матрица» не исчезает или не изменяется сразу после упадка империи и может еще долгое время быть влиятельной в определении развития постимперских обществ.

Подобные устойчивые модели ценностей и верований относительно роли государства, нации, институтов власти, социального порядка, политических способов организации общественной жизни, идентичности и лояльности обозначим понятием «*имперское культурное наследие*», которое может отражаться сознанием масс и элит как долговременный эффект вынужденного культурного универсализма. Мы предполагаем, что каждая империя формирует сильную культурную зависимость, воспроизводящуюся во времени в (пост-)имперском пространстве.

³ Подобный концепт «поведенческой матрицы» как имперского наследия применяет С. Уайт в исследовании ценностных и политических изменений в посткоммунистической [Miller, White, Heywood 1998, p. 41–42]. Концепт близок понятию институциональной матрицы [Кирдина 2001].

Таким образом, постимперские пространства должны различаться базовыми культурными параметрами, по крайней мере:

- установками на социальный порядок,
- социальным доверием, религиозностью,
- идентичностью,
- установками на активность,
- и склоняться к наследованию культурных черт бывшего имперского «центра».

В серии работ Й. Галтунг обосновывает тезис о близости между имперским «центром» и центральными нациями «периферии», развитии взаимовыгодных отношений между ними, формировании гармонии интересов, что противоречит дисгармонии интересов между «центром» империи («центральным» и «периферийным») и собственно «периферией» [Galtung 1989; Galtung 2009]. Данный тезис позволяет уточнить теоретические ожидания о структуре отношений доминирования в постимперских пространствах, дополнив их тезисом о внутренней неоднородности пространства и его, по крайней мере, 3-компонентной структуре с разными перспективами развития.

Воспроизводят ли постимперские пространства кластеры внутренней близости между бывшими имперскими «центрами» и «перифериями» в Европе? Имеют ли такие кластеры внутреннюю структуру, неоднородную по основным показателям «постимперского культурного наследия» и параметрам развития?

База данных и параметры анализа

Для поиска ответов на поставленные вопросы мы обратились к базе данных Европейского исследования ценностей 4-й волны⁴. Данные собраны методом интервью (*face-to-face*) по случайной выборке с количеством опрошенных в каждой из стран около 1500 респондентов и взвешены на численность населения в странах. Общая численность выборки – 34656 респондентов. Выборка включает 18 постсоциалистических европейских стран (Чехия, Польша, Словения, Венгрия, Словакия, Хорватия, Румыния, Босния и Герцеговина, Сербия, Македония, Албания, Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Молдова), а также 4 страны – бывшие имперские «центры»: Германия, Австрия, Турция и Россия. Все отобранные для анализа страны имеют прямую ассоциацию с центрально- и восточно-европейскими империями конца XIX – начала XX вв. (таблица 1).

В интерпретации данных необходимо учесть сложный характер истории формирования Восточной Европы [Тойнби 2001; Кинросс 1999; Wolf 1994; Tatur 1994; Todorova 1997; Дейвис 2008] и значение иных больших государственно-культурных образований более раннего периода, а именно:

- Киевская Русь (882–1240), распавшаяся в XIII–XIV вв. на Галицко-Волинское, Владимирско-Суздальское, Новгородское, Черниговское, Смоленское и другие княжества – территории современной Украины (с 1991 г.), западной России и частично Белоруссии;
- Болгарская Империя I и II (с I столетия, затем в 681–1018) включала территории современных Болгарии, Румынии, Македонии, Сербии, восточную часть совре-

⁴ EVS-2008 – <http://www.europeanvaluesstudy.eu/>.

- менной Венгрии, южной Албании, часть континентальной Греции, юго-западную часть Украины и почти всю территорию европейской Турции – захвачена Византийской Империей и Киевской Русью (II столетие, XII в.), а в XIV в. – Османской империей – позже образовано Княжество Болгария (1878–1908 гг.) – Третье Болгарское царство (1908–1946 гг.) – Болгария (после 1946 г.);
- Польско-Литовское Содружество 1569–1793 (1795) включало территории современных Польши, Литвы, центральной и западной Украины, Белоруссии, Латвии, южной Эстонии, западной России – разделено между Пруссией, Австрийской и Российской империями – позже образовались Варшавское Герцогство и Малая Польша (1807–1813) – Королевство Польское (1815–1915) – Польская Республика (1918–1939) – Польша после 1945 г.;
 - Объединенное Королевство Молдовы и Валахии (1859–1881) – Королевство Румынии (1881–1947) – современная Румыния.

Таблица 1. Центральнo- и восточно-европейские империи и ассоциированные с ними современные страны

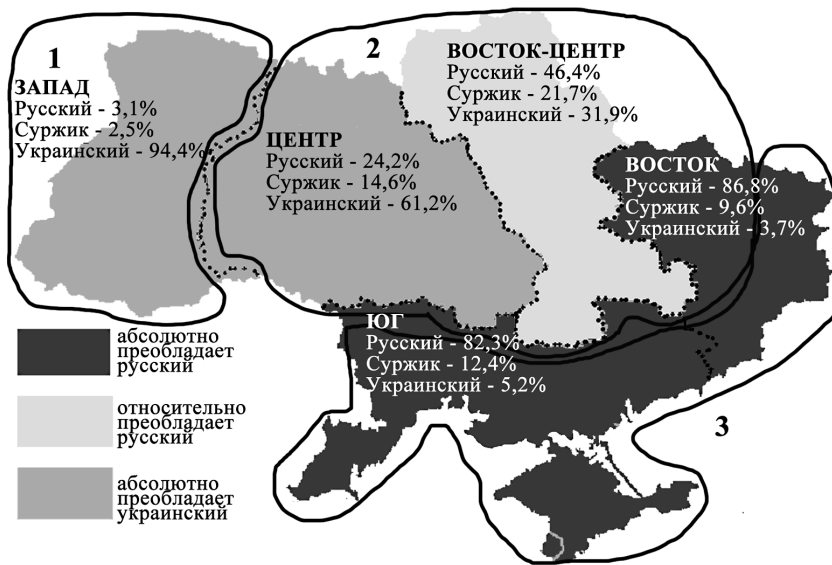
Империи и преемственность в имперском развитии	Современные страны, ассоциированные в разные годы с имперской территорией XIX–XX вв.
Священная Римская Империя (843–1806) – Германская империя (1871–1920) как правонаследница Священной Римской империи – Третий Рейх (1933–1945)	Германия; частично: Чехия (Богемия), западная Польша, Эстония
Священная Римская Империя (843–1806) – Австрийско-Габсбургское владичество (после 1477) – Австрийская империя (1804–1867) как правонаследница Св. Римской империи – Австро-Венгерская монархия (1867–1918)	Австрия (за исключением Зальцбурга), Словения, Венгрия, Хорватия; частично – Чехия, Польша, Румыния (Трансильвания), Словакия, <u>западная Украина</u>
Византийская империя (330–1453) – Османская империя (1281–1923) на захваченных территориях Византии	Турция; Босния и Герцеговина, Румыния, Молдавия, Болгария, Хорватия, Сербия, Черногория, Македония; частично: Албания, Венгрия, южная Украина (Крым, Подолье)
Московское государство – Русское царство (1547–1721) – Российская империя (1721–1917) как духовный наследник Византии – СССР (1917–1991)	Российская Федерация, Белоруссия, Украина, Молдова; частично: Литва, Латвия, Эстония

Поскольку к рубежу XIX–XX столетий из всех отобранных для анализа современных стран на карте Европы не существовало лишь такой страны как Украина, территория которой была разделена между империями⁵, то мы посчитали целесообразным включить в анализ регионы Украины. Области современной Украины были сгруппированы на основе их «имперской истории» (таблица 2), преобладающих языковых характеристик (доминирование украинского либо русского языка в повседневном общении, либо языковая амбивалентность – рисунок 1).

⁵ Американский исследователь А. Уиллсон определил Украину как «неожиданную нацию», появившуюся на карте Европы в конце XX в., когда казалось, что такое событие уже никогда не произойдет, несмотря на длительное национально-освободительное движение [Willson 2003].

Таблица 2. Регионы Украины: естественный и исторический эксперимент

Исторические регионы	Галичина	Северная Буковина	Бессарабия	Подолье	Волынь	Центральная Украина	Донбасс, Слобожан.	Крым
До империй	Польша	Османская империя	Османская империя	Польско-Литовское княжество, Польское королевство	Польско-Литовское княжество, Польское королевство	Киевская Русь, Польша Запорожская Сечь	«Дикое поле», Земли Донского казачества	Крымско-татарское Ханство, Османская империя
Период империи (тип церкви)	Австрия (грекокатолическая)	Австрия (православная)	Россия (православная)	Россия (православная)	Россия (православная)	Россия (православная)	Россия (православная)	Россия (православная, ислам)
Межвоенный период (1918–1939)	Польша	Румыния	Румыния	СССР	Польша	СССР	СССР	СССР
Советский период	СССР	СССР	СССР	СССР	СССР	СССР	СССР	СССР
После 1991	Украина	Украина	Украина	Украина	Украина	Украина	Украина	Украина

1 - Западная Украина; 2 - Центральная Украина; 3 - Юго-восточная Украина

Рисунок 1. Регионализация Украины по параметрам языка и «имперской истории»

Источник: карта используемых языков в Украине составлена по данным национального опроса, проведенного Киевским Международным Институтом социологии в 2003 г. (<http://www.kiis.com.ua/index.php?id=4&sp=1&num=15>), а также по расчетам авторов.

Группировки были проверены на внутреннюю согласованность по параметрам «постимперского культурного наследия» и политическим, геополитическим ориентациям. В результате выделены три условных региона Украины – западный, центральный и юго-восточный, – областной состав которых представлен в *таблице 3*. Таким образом, в анализ будут включены 24 объекта (21 страна без учета Украины и 3 региона Украины) или 22 государства.

Таблица 3. **Макрорегионы Украины: состав по областям и населению**
(в тыс. на 1 января 2013 г., данные Госкомстата Украины)

Области	Численность населения	Всего населения по региону	
ЗАПАД			
Львовская	2538,1	9354,4	
Тернополь	1075,8		
Черновцы	907,0		
Закарпатье	1254,6		
Ивано-Франковск	1381,7		
Волынь	1040,2		
Ривненская	1157,0		
Хмельницкая	1311,4		
ЦЕНТР			
Киевская	1721,9	21221,7	
Полтавская	1464,2		
Житомирская	1266,9		
Кировоград	992,5		
Днепропетровск	3301,7		
Запорожская	1781,9		
Черниговская	1074,1		
Черкасская	1265,5		
Сумская	1139,6		
Харьковская	2741,9		
Винницкая	1623,5		
Киев	2848,0		
ЮГО-ВОСТОК			
АР Крым	1965,7		13615,6
Одесская	2393,7		
Херсонская	1076,1		
Николаевская	1171,5		
Донецкая	4364,5		
Луганская	2251,3		
Севастополь	393,8		

Исходя из теоретической интерпретации сущности империи как формы отношений доминирования [Amin 1992; Гавров 2004, с. 60; Хардт, Негри 2004; Ливен 2007; Паун 2007; Zielonka 2006], а также значения феноменов культурной гегемонии и универсализации [Said 1994], концепт *постимперского культурного наследия* мы определяем как описывающий устойчивые модели ценностей и установок в массовом сознании касательно социального порядка, роли индивида в социальном порядке и национальной идентичности. Эмпирически концепт мы представляем *индикаторами «порядка»* (демократический vs авторитарный), *способов легитимации* (социальное доверие и религиозность), *национальной идентичности* и *социальной активности* на уровне индивидов. Учитывая измерительные возможности инструментария EVS-2008, индикаторы в исследовании определены следующим образом:

1. авторитарные установки **Author** – установки на поддержку авторитарного политического порядка, управление страной сильным лидером, ограничивающим парламент и выборы. Сконструирован на основе переменных V225 (таблица 4). Чем больше значение этого индекса, тем позитивнее отношение к авторитарному типу социального порядка;
2. демократические установки **Dem** – установки на поддержку демократического политического порядка. Сконструирован на основе переменной V228. Чем больше значение этого индекса, тем позитивнее отношение к демократическому типу социального порядка;
3. социальное доверие **Social** – доверие к людям в различных социальных взаимодействиях внутри страны. Индекс сконструирован факторным анализом (главные компоненты) на переменных V62, V62 и V64. Чем выше значение индекса, тем выше уровень социального доверия;
4. религиозность **Relig** – религиозная вера и частота индивидуальных религиозных практик. Индекс сконструирован на основе факторного анализа переменных V109, V129 и V132;
5. национальная гордость **Proud** – интенсивность самоидентификации респондента со страной (национальная идентичность). Сконструирован на основе переменной V256. Чем больше значение показателя, тем выше национальная гордость и идентичность;
6. социальная активность **Act** – сконструирован на основе переменных членства в добровольных организациях и добровольной (неоплачиваемой) социальной активности.

Все индексы стандартизированы по среднему значению 50 для 22 стран и стандартным отклонением 10.

Данные параметры эмпирически проверены на ковариацию/корреляцию и подвергнуты кластерному анализу, который позволяет установить близость (отдаленность) стран в совокупности выделенных параметров. Теоретически ожидаем получить четыре кластера стран, между которыми будет значимая дистанция в диапазоне 6 параметров и которые определятся в ассоциации с 4 бывшими имперскими «центрами»: Германией, Австрией, Россией и Турцией. Вероятным является разделение стран по двум макрокластерам с более выраженной дистанцией между ними в определенном пространстве признаков:

макрокластер I, представляющий австро-германское доминирование, культурную гегемонию Священной Римской империи;

макрокластер II, включающий Российское и Османское имперское наследие, сопряженное с культурой Византийской империи.

Таблица 4. Переменные в форме вопросов анкеты, EVS-2008

V62	<i>Generally speaking, would you say that most people can be trusted or that you can't be too careful in dealing with people?</i>
V63	<i>Do you think that most people would try to take advantage of you if they got the chance, or would they try to be fair?</i>
V64	<i>Would you say that most of the time people try to be helpful, or that they are mostly looking out for themselves?</i>
V109	<i>Apart from weddings, funerals and christenings, about how often do you attend religious services these days?</i>
V129	<i>And how important is God in your life?</i>
V132	<i>How often do you pray to God outside religious services?</i>
V225	<i>Having a strong leader who does not have to bother with parliament and elections</i>
V228	<i>I'm going to describe various types of political systems and ask what you think about each as a way of governing this country. For each one, would you say it is a very good, fairly good, fairly bad or very bad way of governing this country?</i>
V256	<i>How proud are you to be a [country] citizen? _ Please look carefully at the following list of voluntary organizations and activities and say ... a) which, if any, do you belong to? b) which, if any, are you currently doing unpaid voluntary work for?</i>

Ожидается, что бывшие имперские «центры» будут иметь более выраженные установки на социальный порядок (в версии демократии как более соответствующей логике процессов модернизации), социальное доверие, национальную идентичность и активность, более высокое человеческое и институциональное развитие, более значительную социальную притягательность для представителей других стран. Для стран «центральной периферии» (по Й. Галтунгу) параметры порядка и развития будут близкими к параметрам «центра». Для стран «периферии» должны быть более характерными установки на авторитаризм, менее значимо социальное доверие, национальная гордость, более высокая религиозность («центр», как более продвинутый в модернизации, в таких способах легитимации нуждается в меньшей степени), более низкие показатели человеческого и институционального развития.

Кластеры стран Восточной Европы по постимперскому культурному наследию

В результате кластерного анализа методом Уорда данных по 22 странам в пространстве 6 переменных «постимперского культурного наследия» выделилась структура из 7 кластеров стран, которые ожидаемо сгруппировались в 2 макрокластера: германо-австрийский и российско-турецкий (рисунки 2):

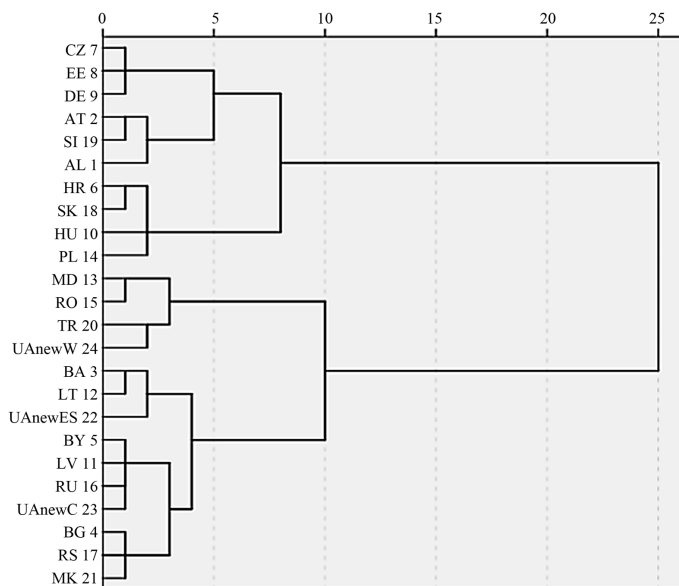

Рисунок 2. Кластеры 22 стран в 6 параметрах: Author, Dem, Social, Proud, Relig, Act

Макрокластер I

1. Германия, Чехия, Эстония
2. Австрия, Словения, Албания
3. Венгрия, Польша, Словакия, Хорватия

Макрокластер II

4. Турция, Румыния, Молдова, западная Украина
5. Босния, юго-восточная Украина, Литва
6. Россия, Белоруссия, Латвия, центральная Украина
7. Болгария, Сербия, Македония

Полученные эмпирическим путем макрокластеры в целом воспроизводят «имперскую историю» территорий конца XIX – начала XX вв. Вместе с тем наблюдается несколько любопытных структурных ассоциаций: так, несмотря на близость, Австрия и Германия все же разделились по разным кластерам, хотя и вошли в один макрокластер; в кластере с Австрией оказались страны, территории которых в недавнем прошлом также входили в состав Италии (а именно Словения и Албания). Несмотря на то, что территория западной Польши до середины XX в. была под влиянием Германии, вместе с тем Польша, в отличие от Чехии, оказалась в ином кластере – вместе с Венгрией, Словакией и Хорватией. Чехия и Словакия, несмотря на общую государственную историю после Второй мировой войны, также оказались в разных кластерах. Исторически логичным является объединение Польши и Словакии в один кластер с Венгрией, которая имела владычество на данных территориях, и до настоящего времени в южных землях Польши и в Словакии проживает значительное число венгров. Неожиданным оказалось разделение Польши и Украины по разным кластерам, как и расхождение трех регионов

Украины по 3 кластерам⁶. Ожидаемым стал кластер, объединивший Россию, Белоруссию и Латвию (где до настоящего времени проживает значительное количество россиян), хотя вхождение центральной Украины в данную ассоциацию теоретически было сомнительным, особенно учитывая политические декларации, исходящие прежде всего из центра современной Украины.

Не вполне понятно объединение Боснии, юго-восточной Украины и Литвы; ожидалась, скорее, близость Литвы с двумя другими регионами Украины. Также если ассоциация Турции, Румынии и Молдовы объяснима, то присутствие западной Украины в данном кластере представляется несколько неожиданным. В данном пространстве признаков западная Украина оказалась ближе к Румынии и Молдове, чем к Польше, Венгрии и Литве, с которыми она также граничит и имела с ними (как и с Румынией) общую историю. С исторической точки зрения вполне логичным является кластер, объединяющий Болгарию, Сербию и Македонию, прошлое которых, несмотря на многочисленные войны, плотно пересекалось в истории.

Анализ показывает наличие статистически значимой дистанции между 2 постимперскими макрокластерами в центрально-восточной Европе по 6 базовым культурным параметрам, которые мы интерпретируем в терминах «постимперского культурного наследия» (таблицы 5, б). Так, пространства бывших Австрийской и Германской империй являются более демократичными, менее авторитарными, для них свойственны более высокие социальное доверие и активность – характеристики, соответствующие имперским «центрам»; для Австрии, кроме того, является более значимым чувство национальной гордости. Словению, Албанию и Австрию отличают наивысшие в сравниваемых странах показатели социальной активности; также для Австрии, Албании и Турции характерны наиболее высокие установки на демократию. Германия является наименее авторитарной среди всех проанализированных стран; в Германии (среди стран первого макрокластера) наблюдается наиболее высокое социальное доверие; данный показатель незначительно уступает лишь России. В то же время показатель национальной гордости в Германии наиболее низкий среди всех стран, включенных в анализ (что вполне объяснимо, учитывая историю тоталитаризма XX в.).

Для группы *постсоциалистических стран* первого макрокластера характерна амбивалентность в установках на социальный порядок: показатели отношения к демократии – на уровне средних значений, а показатели отношения к авторитаризму – несколько ниже среднего. Очевиден скепсис как в отношении к демократии, так и в отношении к авторитаризму. Вместе с тем по сравнению с другими группами постсоциалистических стран (второго макрокластера) Польша, Словакия, Венгрия и Хорватия заметно менее авторитарны.

Пространство бывших Российской и Османской империй в целом является более авторитарным, религиозным, менее активным. В отличие от других стран второго макрокластера, в Турции более высокие демократические установки и национальная гордость. Россия – менее демократична, вместе с тем для нее более характерны социальное доверие и национальная гордость. В целом наименее демократичными среди анализируемых стран оказались центральная и юго-восточная Украина, Россия и Латвия.

⁶ М. Рябчук недооценил внутреннюю неоднородность Украины, аргументировал и сделал популярным тезис о «двух Украинах» [Рябчук 2003; Рябчук 2011]. «Неожиданность» Украины (определение см: [Wilson 2000]) проявилась не только ее появлением как самостоятельного государства на карте Европы к концу XX в., но и внутренней разделенностью, по крайней мере, на три макрорегиона, в условиях которой продолжается развитие страны вот уже более 20 лет.

Таблица 5. Кластеры 22 стран в пространстве 6 культурных измерений, средние значения измерения, измерения стандартизированы для всей выборки стран со средним значением 50 и стандартным отклонением 10

Страна	Отношение к авторитаризму	Отношение к демократии	Социальное доверие	Национальная гордость	Религиозность	Социальная активность
Германия DE	42,67	52,92	52,52	45,09	42,75	53,22
Чехия CZ	45,46	49,59	49,53	48,25	41,29	55,28
Эстония EE	46,19	49,14	51,69	47,71	42,51	54,57
Австрия AT	43,32	54,44	52,24	50,68	47,74	55,78
Словения SI	45,71	51,14	49,81	53,28	45,58	57,75
Албания AL	46,95	53,03	44,65	50,01	50,21	60,01
Польша PL	45,20	49,64	49,58	52,23	56,59	48,52
Венгрия HU	46,14	49,57	48,43	48,86	45,85	49,23
Хорватия HR	47,05	50,77	47,55	50,16	52,05	52,09
Словакия SK	42,58	50,19	47,03	50,00	51,13	51,06
Турция TR	53,10	53,45	44,74	55,08	58,09	47,72
Румыния RO	55,73	50,42	45,96	48,89	57,01	51,13
Молдова MD	57,64	49,50	45,47	46,80	55,48	51,21
Украина Запад UAw	54,81	49,34	50,20	52,72	57,11	49,72
Россия RU	52,67	47,12	52,71	51,08	47,37	48,55
Беларусь BY	54,62	49,95	50,77	48,85	48,87	51,78
Латвия LV	52,95	47,07	50,68	46,91	46,75	52,12
Украина Центр UAс	53,24	46,03	51,21	47,50	50,64	48,85
Болгария BG	53,15	48,82	45,61	47,63	47,29	50,12
Сербия RS	53,95	51,33	46,57	49,55	49,51	51,03
Македония MK	55,13	53,98	46,19	51,12	51,42	53,48
Босния BA	48,88	50,12	47,63	43,35	54,02	48,79
Литва LT	51,03	49,01	47,73	44,63	49,10	50,58
Украина Восток и Юг UAes	54,63	44,41	50,58	41,43	48,82	48,79

Таблица 6. Центроиды в 6 культурных измерениях 7 кластеров стран, данные взвешены для учета размера населения каждой из стран

	Кластер стран	Отношение к авторитаризму	Отношение к демократии	Социальное доверие	Национальная гордость	Религиозность	Социальная активность
1	DE CZ EE	43,02	52,50	52,16	45,50	42,59	53,47
2	AT SL AL	44,42	53,63	50,39	50,95	47,87	56,96
3	PL HU SK HR	45,27	49,76	48,99	51,26	53,73	49,14
4	TR RO MD UAw	53,74	52,56	45,28	53,55	57,81	48,57
5	LV BA UAes	52,92	46,18	49,56	41,64	49,81	49,13
6	RU BY LV UAс	52,99	47,22	52,38	50,79	48,13	48,82
7	BG RS MK	53,77	50,63	46,11	48,89	48,80	50,93

Наиболее религиозными являются страны 4-го кластера, особенно – Турция, Румыния и западная Украина, также высокий показатель религиозности наблюдается в Польше. Наиболее высокие авторитарные установки – в 7-ом кластере стран, объединяющем Болгарию, Сербию и Македонию.

Таблица 7. Три региона Украины в пространстве 6 культурных измерений, средние значения измерения, измерения стандартизированы для всей выборки стран со средним значением 50 и стандартным отклонением 10

	Отношение к авторитаризму	Отношение к демократии	Социальное доверие	Национальная гордость	Религиозность	Социальная активность
Восток и Юг, UAes	54,63	44,41	50,58	41,43	48,82	48,79
Центр, UAс	53,24	46,03	51,21	47,50	50,64	48,85
Запад, UAw	54,81	49,34	50,20	52,72	57,11	49,72

Любопытны результаты анализа 3-х регионов Украины (таблицы 6, 7). Согласно представленным данным, несмотря на определенные успехи в развитии демократии в стране за последние 20 лет (что зафиксировано международными индексами демократии), во 3-х регионах Украины *поддержка авторитаризма* является более высокой в сравнении со средним уровнем 22 стран Европы. Различия между регионами есть: так, центр Украины статистически значимо меньше поддерживает авторитаризм.

Поддержка демократии статистически значимо различается во всех 3-х регионах: самый низкий уровень поддержки демократии на юго-востоке страны, выше поддержка в центре и самый высокий уровень поддержки в западном регионе, что подтверждается и другими данными исследований по Украине в региональном разрезе. В целом же уровень поддержки демократии во всех 3-х регионах ниже среднего уровня в 19 европейских государствах.

Социальное доверие, или доверие людям в разных социальных взаимодействиях, на западе Украины значимо ниже, чем в центральном и юго-восточном регионах. При этом в западном регионе страны показатель находится на среднем для 19 стран Европы уровне, в то время как центр и юго-восток имеют значение этого показателя не намного, но статистически значимо выше среднего по Европе

Показатель гордости за страну значимо отличается во всех 3-х регионах: самый низкий уровень гордости за страну у представителей юго-восточного региона и самый высокий – на западе страны, при этом уровень национальной гордости на юго-востоке и в центре Украины статистически значимо ниже среднего уровня 22 европейских государств, а в западном регионе – статистически значимо выше среднего.

Религиозность также статистически значимо отличается во всех 3-х регионах: наиболее религиозен запад Украины и наименее религиозен юго-восток, при этом на юго-востоке показатель религиозности значимо ниже среднего значения по 22 европейским государствам, в центре страны – значение близко к среднему (хотя при этом статистически значимо выше), а на западе значительно выше среднего по 22 европейским странам.

Социальная активность в западном регионе Украины выше, чем в центре и на юго-востоке страны (центр и юго-восток статистически не отличается по этому показателю). При этом в западном регионе уровень активности находится на среднем для 22 стран Европы уровне, в то время как на юго-востоке и в центре активность не намного, но статистически значимо ниже среднего значения. Таким образом, 3 региона Украины отличаются в выделенном нами пространстве 6 культурных измерений, хотя и принадлежат к общему российско-турецкому макрокластеру.

Исторически оправданно было бы учесть в анализе регионализацию других европейских стран, однако в данной работе мы не решились это сделать, учитывая прежде всего сложность кросскультурного анализа и последующих интерпретаций.

Кластеризация стран в параметрах развития

С целью тестирования полученного результата мы провели дополнительный анализ близости/удаленности стран по макропоказателям, которые в совокупности позволяют измерять успешность страны в современном развитии. Предварительный анализ смысловых характеристик и корреляций разных индексов показал целесообразность включения следующих параметров развития, значения которых были стандартизированы:

- экономический параметр ВВП на душу населения (использованы данные Мирового Банка за 2012 г. – GDP per capita, в тысячах долларов);
- параметры человеческого развития (данные Программы развития ООН, HDI x 100, UN Report, 2013 ($0 < I < 1$));
- параметр конкурентноспособности страны (данные Всемирного экономического форума за 2013 г., The Global Competitiveness Index⁷ ($0 < I < 7$) x 10);
- параметр инновационности (данные Всемирного экономического форума за 2013 г., Innovation index ($0 < I < 7$) x 10, входит в структуру Индекса конкурентноспособности);
- параметр независимости судебной системы (данные Всемирного экономического форума за 2013 г., Judicial independence Index ($0 < I < 7$) x 10, входит в структуру Индекса конкурентноспособности);
- параметры интеллектуальной и социальной привлекательности страны (данные Всемирного экономического форума за 2013 г., BrainDrain Index⁸ x 10, входит в структуру Индекса конкурентноспособности; а также использованы данные программы ООН развития населения в мире, показатель уровня Сетевой миграции⁹).

⁷ The Global Competitiveness Index (GCI) измеряет микроэкономические и макроэкономические основания национальной конкурентноспособности, а comprehensive tool that measures the microeconomic and macroeconomic foundations of national competitiveness – average [The Global Competitiveness Report 2012–2013, p. 8–9, 519–522].

⁸ Вопрос в измерительном инструментарии звучит следующим образом: *Does your country retain and attract talented people?* (1 = no, the best and brightest normally leave to pursue opportunities in other countries; 7 = yes, there are many opportunities for talented people within the country) 2011–12 weighted average [World Economic Forum, The Global Competitiveness Report 2012–2013, p. 474].

⁹ Показатель «сетевой» миграции (*net migration rate*) исчисляется как количество иммигрантов минус количество эмигрантов за период, разделенное на число индивидов-лет, прожитых населением принимающей страны за тот же период. Показатель представляется как средняя ежегодная сетевое количество мигрантов на 1000 населения. Данные оцениваются каждые 5 лет [Department of Economic and Social Affairs Population Division 2013].

Таблица 8. Параметры развития стран, сгруппированных по кластерам

Страны, сгруппированные по кластерам	Индекс челове- ческого развития, 2012 (0<I<1)	Индекс глобальной конку- рентности страны (0<I<1)	Индекс инноваци- онности (0<I<1)	ВВП на душу на- селения (nominal values), 2012, US\$	Индекс незави- симости судебной системы (0<I<1)	Интеллек- туальная привлека- тельность страны (0<I<1)	Сетевая миграция, 2008–2012, чел.
	1	2	3	4	5	6	7
Германия	0,920	5,5	5,4	41 514	6,2	4,7	550 001
Австрия	0,895	5,2	5,1	47 226	5,2	4,4	160 000
Словения	0,892	4,3	3,9	22 092	3,8	3,3	22 000
Чехия	0,873	4,5	3,8	18 608	3,7	3,3	240 466
Эстония	0,846	4,6	3,9	16 316	5,5	3,4	н/д
Словакия	0,840	4,1	3,0	16 934	2,7	2,5	36 684
Венгрия	0,831	4,3	3,6	12 622	3,7	2,3	75 000
Польша	0,821	4,5	3,3	12 708	4,2	2,9	55 644
Литва	0,818	4,4	3,5	14,750	3,5	2,7	– 35,495
Турция	0,722	4,5	3,3	10 666	3,5	3,4	– 50 000
Латвия	0,814	4,3	3,2	14,009	4,0	3,1	– 10,000
Хорватия	0,805	4,0	3,1	13 227	2,8	2,4	10 000
Белоруссия	0,793	н/д	н/д	6,685	н/д	н/д	– 50,010
Россия	0,788	4,2	3,0	14,037	2,6	2,8	1 135,737
Румыния	0,786	4,1	2,9	7 943	2,7	2,1	– 100 000
Болгария	0,782	4,3	3,0	6,986	2,9	2,4	– 50,000
Сербия	0,769	3,9	2,8	5,190	2,4	1,9	н/д
Украина	0,740	4,1	3,2	3,867	2,5	2,3	– 40,006
Албания	0,749	3,9	2,6	4 149	2,6	3,1	– 47 889
Македония	0,740	4,0	2,8	4,589	2,8	2,1	2,000
Босния и Герцеговина	0,735	3,8	2,8	4 447	3,1	2,8	– 10 000
Молдова	0,660	3,9	2,4	2 038	2,1	2,1	– 171 748

Источники: Economic Forum [The Global Competitiveness Report 2012–2013]; UN Report [World Population Prospects. 2012].

Распределение данных по странам представлены в *таблице 8*. Для выявления латентной структуры признаков проведен кластерный анализ для 21 страны (за исключением Белоруссии, данные по которой представлены не полностью); для анализа сформировано пространство из 6 параметров – макропоказателей развития; параметры сетевой миграции проанализированы отдельно. Результаты кластеризации 21 страны (исключена из анализа Белоруссия из-за недостаточности данных; Украина включена в целом, без регионализации) представлены на *рисунке 3*.

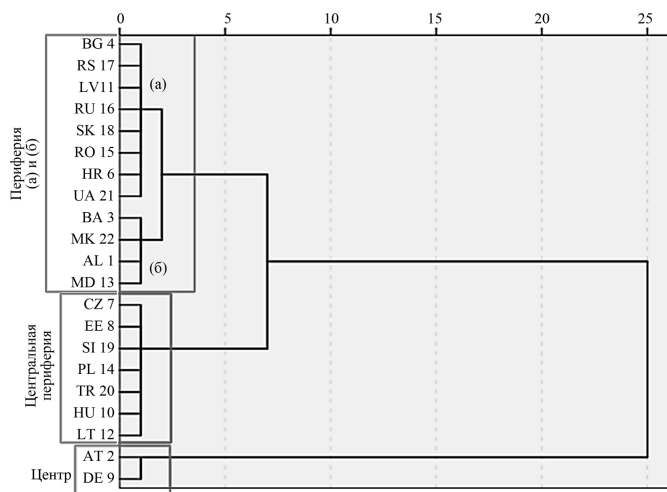

Рисунок 3. Кластеры 21 страны по 6 макропараметрам национального развития, метод Уорда

Анализ позволяет выделить довольно четкую 3-компонентную структуру стран в пространстве 6 параметров развития:

- экономических,
- человеческих,
- правовых,
- инновационных,
- конкурентноспособности,
- интеллектуальной привлекательности стран.

В полученной структуре выделяются страны «центра» современного развития в Центральной и Восточной Европе – Германия и Австрия, для которых все включенные в анализ параметры являются высокими. Страны ассоциированной с «центром» «периферии» – Чехия, Словакия, Эстония, Венгрия, Польша, Литва, в этом же кластере оказалась Турция – проигрывают странам «центра» по всем показателям и особенно – по экономическим и инновационным параметрам развития, а также по конкурентноспособности, однако все эти показатели заметно выше (статистически значимые различия) по сравнению с показателями остальных стран, составляющих «периферию». Страны «периферии» эмпирически разделились на две подгруппы: кластер, связанный с Россией¹⁰ (Болгария, Сербия, Хорватия, Румыния, Латвия, Украина) и иной кластер, исторически имевший большее отношение к Турции (Босния, Македония, Албания, Молдова). Данная структура может быть объяснена теорией Й. Галтунга, вместе с тем «имперская история» в данной структуре просматривается опосредованно: определенно проявляется постимперская ассоциация в рамках Германской и Австрийской империй; в турецко-русском макрокластере позиции бывших имперских «центров» подверглись периферизации.

¹⁰ Результаты нашего анализа подтверждают выводы британского исследователя Д. Ливена об имперских и периферийных проявлениях России [Ливен 2007; Ливен 2008].

Согласно различным теориям империй, «перифериям», как правило, свойственна нестабильность, конфликтность [Goldstein 1988]. И действительно, страны «периферии» в период с 1989/1991 гг. (период постсоциалистического развития стран Восточной Европы) проявили высокую степень конфликтности: так, по данным Института экономики и мира¹¹, в восточно-европейских странах обеих групп современной «периферии» произошло 10 вооруженных конфликтов, а также 8 вооруженных конфликтов, связанных с Россией. При этом не зафиксировано ни одного вооруженного конфликта за данный период в государствах современного «центра» и «центральной периферии» Восточной Европы.

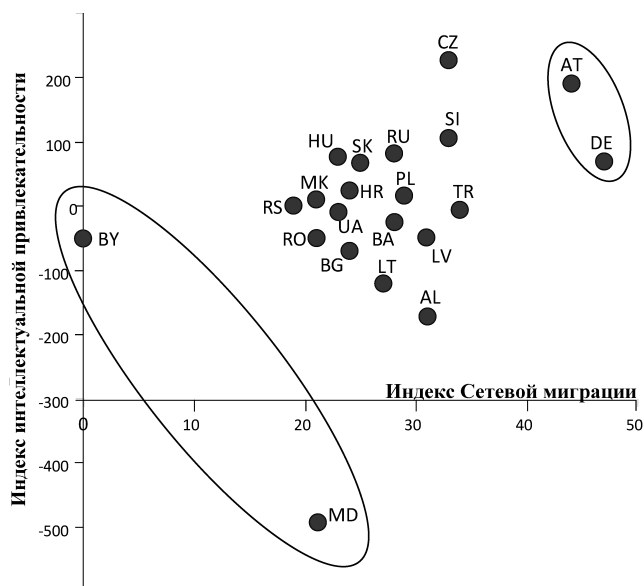

Рисунок 4. Социальная привлекательность 21 стран «центра» и «периферии» в параметрах интеллектуальной привлекательности и сетевой миграции

3-компонентная структура постимперского пространства подтверждается и анализом социальной и интеллектуальной привлекательности стран (рисунок 4). 22 страны, включенные в анализ, разделились на безусловный «центр» с высокими показателями привлекательности (Германия и Австрия), приближающиеся к ним Словению и Чехию; более высокими показателями выделились также Россия и Турция. На отсталой по данным показателям периферийной позиции оказались Белоруссия и Молдова; все остальные восточно-европейские постсоциалистические страны составили созвездие стран, расположенных в периферийной позиции, слабо притягивающей человеческие, в т.ч. интеллектуальные ресурсы.

¹¹ Institute for Economics and Peace - <http://economicsandpeace.org/>.

Выводы и дискуссионные тезисы

Результаты анализа позволяют сформулировать неожиданный и для авторов данной статьи основной вывод о том, что «постимперское наследие» (недавней истории) в культуре и развитии европейских стран является значимым. Длительная история постимперского развития в XX в., процессы глобализации и современное «великое переселение народов» не стерли следы прошлых имперских зависимостей в культуре современных европейских обществ. По сути, следует говорить о наличии своеобразной «ценностно-поведенческой матрицы» как *la longue duree* структуры, которая определяет «коридоры» (возможности и ограничения) ассоциированного зависимого развития стран, их ценностные ориентации на социальный порядок, способы его легитимации, идентичность и социальную активность.

Различия в базовой культуре (в параметрах порядка-идентичности-активности) и успехах в развитии (в экономических, человеческих, правовых, инновационных параметрах) между странами с разным «имперским прошлым» являются более значительные, чем между государствами внутри конкретных постимперских пространств. Вместе с тем несовпадение результатов кластеризаций стран по культурным и макропараметрам эмпирически подтверждает тезис Ф. Броделя [*Бродель* 2007, с. 689–691] о несоответствии культурных и экономических «зон» в структуре социального пространства. В развитии обществ происходит культурное запаздывание, более того – изменение «культурно-поведенческой матрицы» обществ является проблематичным. Однако именно культурные (ценностные) изменения и активность становятся «двигателем истории» (что доказывает Р. Инглехарт). Изменения в институциональных параметрах развития обществ могут происходить быстрее, чем изменения в культуре, однако устойчивыми такие изменения становятся только тогда, когда происходит их «укоренение» в культуре. «Культурно-поведенческая матрица» обеспечивает ресурсами и определяет барьеры возможного институционального развития обществ.

Различия между «центральными» и «периферийными» постимперскими нациями остаются значимыми. Постимперские пространства воспроизводят 3-компонентную внутреннюю структуру (подтверждается концепция Й. Галтунга):

- постимперский «центр» с более сильной социальной и интеллектуальной привлекательностью, инновационностью и конкурентноспособностью, более высокой социальной активностью и ресурсами идентичности;
- ассоциированная с «центром» «периферия», для которой характерно зависимое развитие, ориентированное на «центр», формирующая с «центром» гармоничные отношения;
- постимперская «периферия» с зависимым от ассоциаций между странами (к примеру, в форме бывших империй) неустойчивым развитием, более авторитарная, религиозная, с меньшими ресурсами идентичности, инновационности, конкурентноспособности.

Воспроизводство такой структуры в течение длительного исторического времени усиливает сомнения по поводу возможности изменения такого структурно-зависимого порядка в обозримой перспективе.

Развитие постимперской «периферии» существенно зависит от успехов в развитии бывшего имперского «центра». Постимперский «центр» выполняет, по сути, позитивную функцию центра развития ассоциированных территорий.

Но для того чтобы функция выполнялась успешно, развитие самого «центра» должно быть благополучным. Поэтому страны «периферии» объективно должны быть заинтересованы в развитии тех обществ, которые исторически играли роль «центра» на ассоциированной территории.

Украина, возникшая на карте Европы как самостоятельное государство в 1991 г., эмпирически разделена на 3 постимперских макрорегиона, что формирует «коридоры» различных шансов дальнейшего развития нации. Однако принадлежность всех украинских регионов к российско-турецкому постимперскому макрокластеру детерминирует слабые шансы западно-ориентированного развития страны.

Анализ характера воспроизводства постимперских зависимостей в Центральной и Восточной Европе позволяет сделать еще один вывод о том, что более успешные бывшие империи адаптируются к изменяющемуся современному миру, изменяют свои жизненные формы и становятся скорее «дирижерами» зависимых «национальных оркестров», чем «жандармами» в постимперских пространствах.

Литература

- Бродель Ф. (2007) Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / Пер. с фр. В 3-х томах. Т.3. Время мира. М.: Весь мир.
- Валлерстайн И. (2001) Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга.
- Гавров С.Н. (2004) Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС.
- Дейвіс Н. (2008) Європа. Історія / Переклад з англ. П. Тарашук. Київ: Вид-во Соломії Павличко «Основи».
- Кинросс Л. (1999) Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОН-ПРЕСС.
- Кирдина С. (2001) Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН.
- Ливен Д. (2007) Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа.
- Ливен Д. (2008) Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. № 6.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара.
- Паин Э. (2007) Имперский синдром и имитация национального строительства в России // Социология: теория, методы, маркетинг. № 3.
- Рябчук М.Ю. (2003) Дві України: реальні межі, віртуальні ігри. Київ: Критика.
- Рябчук М.Ю. (2011) Постколониальный синдром. Спостереження. Київ: Вид-во «К.І.С.».
- Соловьев В.С. (2001) Византизм и Россия // Византизм и славянство. Великий спор. М.: ЭКСМО-ПРЕСС.
- Тойнби А.Дж. (1991) Постигжение истории. М.: Прогресс.
- Феоктистов Г.Г. (2000) Империя как тип структурного деления мира // Общественные науки и современность. № 2. С.103–110.
- Хардт М., Негри А. (2004) Империя / Пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис.
- Эйзенштадт Ш. (1) (1995) Прорывы «осевого времени»: их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. Вып. 3. М.: Наука.
- Эйзенштадт Ш. (2) (1999) Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс.

- Amin S. (1976) *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*. New York: Monthly Review Press.
- Amin S. (2013) *Empire of Chaos*. New York: Monthly Review Press.
- Berend I. (1996) *Central and Eastern Europe 1944–1993. Detour from the Periphery to the Periphery*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Boatcă M. (2006) *Semiperipheries in the World-System: Reflecting Eastern European and Latin American Experiences* // *Journal of world systems research*, vol. 12, no 2, pp. 321–346.
- Bornschieer V., Suter Chr. (1992) *Long Waves in the World System // Waves, Formations and Values in the World System*. Ed. by Bornschieer V., Lengyel P. New Brunswick and London: Transaction Publishers, pp. 15–50.
- Cardoso F.H., Faletto E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*. University of California Press.
- Cardoso F.H. (2001) *Charting a New Course: The Politics of Globalization and Social Transformation*. Rowman & Littlefield Publishers.
- Chavance B., Magnin É. (2000) *National Trajectories of Post-socialist Transformation: Is There a Convergence Towards Western Capitalisms?* // Dobry M. (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe*. Dordrecht, Boston, London, Kluwer, pp. 221–234.
- David P. (2001) *Path-Dependence, its Critics and the Quest for Historical Economics* // P. Garrouste, S. Ioannides (eds.) *Path Dependence and Evolution in Economics*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 15–40.
- Department of Economic and Social Affairs Population Division (2013) *United Nations*. Retrieved 2013-06-15 // <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/migration.htm>.
- Federowicz M. (2000) *Anticipated Institutions: the Power of Path-finding Expectations* // Dobry M. (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe*. Dordrecht, Boston, London, Kluwer, pp. 91–106.
- Frank G.A. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. University of California Press.
- Galtung J. (1971) *A Structural Theory of Imperialism* // *Journal of Peace Research*, no 8(2), pp. 81–117.
- Galtung J. (1989) *Europe in the Making*. Taylor & Francis.
- Galtung J. (2007) *The Decline and Fall of Empires: a Theory of De-Development*. Honolulu, Geneva.
- Galtung J. (2009) *The Fall of the US Empire – and What Then?* TRANSCEND University Press.
- Gavrov S. (2004) *Modernization of the Empire. Social and Cultural Aspects of Modernization Processes in Russia*. Moscow.
- Goldstein J.S. (1988) *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Goldstein J.S. (2006) *The Predictive Power of Long Wave Theory, 1989-2004* // T.C. Devezas (ed.) *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*. Amsterdam: IOS // <http://www.joshuagoldstein.com/jgkond.htm>.
- Gudeman St. (1986) *Economics as Culture: Models and Metaphors of Livelihood*. London: Routledge.
- Gudeman St. (2001) *Anthropology of economy: Community, market, and culture*. Oxford: Blackwell.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon.
- Index of Colonies and Dependencies // <http://www.worldstatesmen.org/COLONIES.html>.
- Magnin E. (2002) *Path-Dependence and Initial Conditions in the Transition Process: The Cases of Hungary and Romania* // *Journal of Economics and Business*, vol. 5, no 1, pp. 67–87.
- Miller W.L., White S., Heywood P. (1998) *Values and political Change in Postcommunist Europe*. Houndmills: Macmillan Press LTD.
- Nielsen K., Jessop B., Hausner J. (2005) *Institutional Change in Post-Socialism* // J. Hausner, B. Jessop, K. Nielsen (eds) *Strategic Choice and Path-Dependency in Post-Socialism*. Aldershot, UK: Edward Elgar, pp. 67–83.
- Prebisch R. (1978) *Socioeconomic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism*. UNCLA Review.
- Said E.W. (1994) *Culture and Imperialism*. London: Vintage Books.

- Stark D., Bruszt L. (1998) *Post-socialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stark D., Bruszt L. (2001) One Way or Multiple Paths?: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // *American Journal of Sociology*, no 106 (4), pp. 1129–1137.
- Starr S.F. (ed.) (1994) *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.
- Tatur M. (ed.) (2004) *The Making of Regions in Post-Socialist Europe – the Impact of Culture, Economic Structure and Institutions. Case Studies from Poland, Hungary, Romania and Ukraine*. Vol.1. VS Verlag, Wiesbaden.
- Tausch A. (2003) Social Cohesion, Sustainable Development and Turkey's Accession to the European Union: Implications from a Global Model // *Alternatives. Turkish Journal for International Relations*, vol. 2, no 1.
- Tausch A., Heshmati A. (2011) Re-Orient? Understanding Contemporary Shifts in the Global Political Economy // *Journal of Globalization Studies*, vol. 2, no 2, pp. 89–128.
- The Global Competitiveness Report 2012-2013 // *World Economic Forum*, pp. 8–9, 519–522.
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*. New York and Oxford: Oxford University Press.
- Turchin P., Adams J.M., Hall Th.D. (2006) East-West Orientation of Historical Empires and Modern States // *Journal of World-Systems Research*, vol. 12, no 2, pp. 218–239.
- World Population Prospects: The 2012 Revision / United Nations, Department of Economic and Social Affairs.
- Wilson A. (2000) *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven: Yale University Press.
- Wolff L. (1994) *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford University Press.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Post-Imperial Regions: Associated Dependence in Development of Eastern Europe

O. KUTSENKO*, A. GORBACHYK**

***Olga Kutsenko** – Head, Department of Social Structures and Social Relations, National Taras Shevchenko University of Kiev. Address: 64/13, Volodymyrska str., Kiev, 01601, Ukraine. E-mail: olga.kutsenko.ua28@gmail.com.

****Andrii Gorbachyk** – Dean, Faculty of Sociology, Head, Department of Methodology and Methods of Sociological Research, National Taras Shevchenko University of Kiev. Address: 64/13, Volodymyrska str., Kiev, 01601, Ukraine. E-mail: dean@soc.univ.kiev.ua.

Abstract

In this paper we attempt to investigate whether imperial legacy can explain the divergence of transformation pathways in the post-socialist countries of Europe. Particularly we test the following hypotheses: 1) each empire shapes a strong cultural legacy which has been reproducing over time even after empire's collapse; 2) post-imperial states differ from each other in terms of basic cultural dimensions, such as attitudes to social order, social trust, religiosity, identity, and incline to inherit the basic cultural features of the former empire's centre. The empirical investigation is based on the data from European Values Survey 2008, which is available for 22 countries that have once been a part of Ottoman, Russian, Austrian and German empires. Our analysis shows that mass consciousness, interpersonal ties, attitudes, etc. are indeed strongly associated with certain imperial legacy. Particularly, through cluster analysis we identify three post-imperial areas, which display highly pronounced differences in basic culture and pattern of social development: (1) *Austrian and German*; (2) *Turkish* and (3) *Russian*. This is highly consistent with Braudel's theses about the mismatch of cultural and economic 'zones', and the strong relevance of 'imperial experience' with respect to modern development of the post-socialist countries.

Keywords: empire, associated development, post-imperial dependence, post-imperial regions, value-behavioral matrix, post-imperial cultural legacy, comparative analysis, cluster analysis

References

- Amin S. (1976) *Unequal Development: An Essay on the Social Formations of Peripheral Capitalism*, New York: Monthly Review Press.
- Amin S. (2013) *Empire of Chaos*, New York: Monthly Review Press.
- Berend I. (1996) *Central and Eastern Europe 1944-1993. Detour from the Periphery to the Periphery*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Boatcă M. (2006) Semiperipheries in the World-System: Reflecting Eastern European and Latin American Experiences. *Journal of world systems research*, vol. 12, no 2, pp. 321–346.
- Bornschier V., Suter Chr. (1992) Long Waves in the World System. Bornschier V., Lengyel P. (eds.) *Waves, Formations and Values in the World System*, New Brunswick and London: Transaction Publishers, pp. 15–50.
- Braudel F. (2007) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII centuries*. [Capitalism and Material Life, 1400–1800], Moscow: Ves' mir.
- Cardoso F.H., Faletto E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*, University of California Press.
- Cardoso F.H. (2001) *Charting a New Course: The Politics of Globalization and Social Transformation*, Rowman & Littlefield Publishers.
- Chavance B., Magnin É. (2000) National Trajectories of Post-socialist Transformation: Is There a Convergence Towards Western Capitalisms? M. Dobry (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe*, Dordrecht, Boston, London, Kluwer, pp. 221–234.
- David P. (2001) Path-Dependence, its Critics and the Quest for Historical Economics. P. Garrouste, S. Ioannides (eds.) *Path Dependence and Evolution in Economics*, Cheltenham: Edward Elgar, pp. 15–40.
- Department of Economic and Social Affairs Population Division* (2013) United Nations. Retrieved 2013-06-15. Available at: <http://esa.un.org/unpd/wpp/Excel-Data/migration.htm>.
- Eisenstadt S. (1995) Proryvy «osevogo vremeni»: ikh osobennosti i proiskhozhdenie [Breaks of the «Axial Age»: their features and origin]. *Sovremennye teorii tsivilizatsii*. Issue 3, Moscow: Nauka.
- Eisenstadt S. (1999) *Revolyuitsiya i preobrazovanie obschestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations], Moscow: Aspekt Press.
- Federowicz M. (2000) Anticipated Institutions: the Power of Path-finding Expectations. Dobry M. (ed.) *Democratic and Capitalist Transitions in Eastern Europe*, Dordrecht, Boston, London, Kluwer, pp. 91–106.
- Feoktistov G.G. (2000) Imperiya kak tip strukturnogo deleniya mira [Empire as a type of the world structural division]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 103–110.
- Frank G.A. (1998) *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*, University of California Press.
- Gavrov S. (2004) *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization of the Empire. Social and Cultural Aspects of Modernization Processes in Russia], Moscow: Editorial URSS.
- Galtung J. (1971) A Structural Theory of Imperialism. *Journal of Peace Research*, no 8(2), pp. 81–117.
- Galtung J. (1989) *Europe in the Making*, Taylor & Francis.
- Galtung J. (2007) *The Decline and Fall of Empires: a Theory of De-Development*, Honolulu, Geneva.
- Galtung J. (2009) *The Fall of the US Empire – and What Then?* TRANSCEND University Press.

- Goldstein J.S. (1988) *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*, New Haven, CT: Yale University Press.
- Goldstein J.S. (2006) The Predictive Power of Long Wave Theory, 1989-2004. T.C. Devezas (ed.) *Kondratieff Waves, Warfare and World Security*, Amsterdam: IOS. Available at: <http://www.joshuagoldstein.com/jgkond.htm>.
- Gudeman St. (1986) *Economics as Culture: Models and Metaphors of Livelihood*, London: Routledge.
- Gudeman St. (2001) *Anthropology of economy: Community, Market, and Culture*, Oxford: Blackwell.
- Hardt M., Negri A. (2004) *Imperiya* [Empire], Moscow: Praktis.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon.
- Index of Colonies and Dependencies. Available at: <http://www.worldstatesmen.org/COLONIES.html>.
- Kinross L. (1999) *Rastsvet i upadok Osmanskoi imperii* [Ottoman Centuries: The Rise and Fall of the Turkish Empire], Moscow: KRON-PRESS.
- Kirdina S. (2001) *Institutsional'nye matrity i razvitie Rossii* [Institutional Matrix and Development of Russia], Novosibirsk: RAS.
- Lieven D. (2007) *Rossiyskaya imperiya i ee vrugi s XVI veka do nashikh dnei* [The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present], Moscow: Evropa.
- Lieven D. (2008) Rossiya kak imperiya i periferiya [Russia as an Empire and Periphery]. *Rossiya v global'noi politike*, no 6.
- Magnin E. (2002) Path-Dependence and Initial Conditions in the Transition Process: The Cases of Hungary and Romania. *Journal of Economics and Business*, vol. 5, no 1, pp. 67–87.
- Miller W.L., White S., Heywood P. (1998) *Values and political Change in Postcommunist Europe*, Houndmills: Macmillan Press LTD.
- Nielsen K., Jessop B., Hausner J. (2005) Institutional Change in Post-Socialism. J. Hausner, B. Jessop, K. Nielsen (eds) *Strategic Choice and Path-Dependency in Post-Socialism*, Aldershot, UK: Edward Elgar, pp. 67–83.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Gaydar institut.
- Pain E. (2007) Imperskii sindrom i imitatsiya natsional'nogo stroitel'stva v Rossii [Imperial Syndrome and Imitation of Nation-Building in Russia]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, no 3.
- Prebisch R. (1978) *Socioeconomic Structure and Crisis of Peripheral Capitalism*, UNCLA Review.
- Ryabchuk M.Yu. (2003) *Dvi Ukraini: real'ni mezhi, virtual'ni igri* [Two Ukraines: the Real Borders, the Virtual Games], Kiev: Kritika.
- Ryabchuk M.Yu. (2011) *Postkolonial'nii sindrom. Sposterezheniya* [Post-Colonial Syndrom: Observation], Kiev: K.I.S.
- Said E.W. (1994) *Culture and Imperialism*, London: Vintage Books.
- Soloviev V.S. (2001) Vizantizm i Rossiya [Byzantium and Russia]. *Vizantizm i slavyanstvo. Velikiy spor* [Byzantium and the Slavs. The Great Debate], Moscow: EXPO-PRESS.
- Stark D., Bruszt L. (1998) *Post-socialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stark D., Bruszt L. (2001) One Way or Multiple Paths?: For a Comparative Sociology of East European Capitalism. *American Journal of Sociology*, no 106 (4), pp. 1129–1137.

- Starr S.F. (ed.) (1994) *The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia*, Armonk, NY: M.E. Sharpe.
- Tatur M. (ed.) (2004) *The Making of Regions in Post-Socialist Europe – the Impact of Culture, Economic Structure and Institutions. Case Studies from Poland, Hungary, Romania and Ukraine*, vol.1, VS Verlag, Wiesbaden.
- Tausch A. (2003) Social Cohesion, Sustainable Development and Turkey's Accession to the European Union: Implications from a Global Model. *Alternatives. Turkish Journal for International Relations*, vol. 2, no 1.
- Tausch A., Heshmati A. (2011) Re-Orient? Understanding Contemporary Shifts in the Global Political Economy. *Journal of Globalization Studies*, vol. 2, no 2, pp. 89–128.
- The Global Competitiveness Report 2012–2013. *World Economic Forum*, pp. 8–9, 519–522.
- Todorova M. (1997) *Imagining the Balkans*, New York and Oxford: Oxford University Press.
- Toynbee A. J. (1991) *Postizheniye istorii* [Study of History], Moscow: Progress.
- Turchin P., Adams J.M., Hall Th.D. (2006) East-West Orientation of Historical Empires and Modern States. *Journal of World-Systems Research*, vol. 12, no 2, pp. 218–239.
- World Population Prospects: The 2012 Revision. *United Nations, Department of Economic and Social Affairs*.
- Wilson A. (2000) *The Ukrainians: Unexpected Nation*, New Haven: Yale University Press.
- Wolff L. (1994) *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford University Press.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: the Nature of the Enlarged European Union*, Oxford: Oxford University Press.